

УДК 9:392.0-394:9

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/114/81>

**РОЛЬ ШАРИАТА В РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
КЫРГЫЗОВ ЮЖНОГО РЕГИОНА КЫРГЫЗСТАНА,
ПРАВА СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ КАЗИЙСКИХ СУДОВ (XIX В)**

©Абылов А. Д., Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева,
г. Бишкек, Кыргызстан

**IN THE 19TH CENTURY, THE ROLE OF SHARIA IN REGULATING THE SOCIAL LIFE
OF THE KYRGYZ IN THE SOUTHERN REGION OF KYRGYZSTAN,
THE RIGHTS OF THE JUDICIAL SYSTEM OF THE QAZI COURTS**

©Abylov A., Kyrgyz State University named after. I. Arabaeva,
Bishkek, Kyrgyzstan

Аннотация. Рассматривается роль шариата в общественной жизни кыргызов проживающих в южном регионе кыргызстана в XIX веке. XIX веке под влиянием Коконском ханства и Бухарского эмирата исламский шариат начал глубоко распространяться среди кыргызов. XIX век анализируется как эпоха перехода от традиционных права к шариату в племенах южных кыргызов. Будут изучены полномочия судьи казиев в регулировании жизни обществ. Проведен анализ способов исполнения наиболее тяжких преступлений по законам шариата.

Abstract. This article examines the role of Sharia in the social life of the Kyrgyz living in the southern region of Kyrgyzstan in the 19th century, in the 19th century, under the influence of the Kokon Khanate and the Bukhara Emirate, Islamic Sharia began to spread deeply among the Kyrgyz. The 19th century is analyzed as an are of transition from traditional law to Sharia in the tribes of the southern Kyrgyz. The powers of the judge of the court in regulating the life of societies will be studied. An analysis of the mehods of execution of crimes under Sharia laws is carried out the most serious.

Ключевые слова: законы шариата, исламское право, кокондское ханство, обычное право, суд казиев, инстанция казийских судов, этнос кыргызов.

Keywords: sharia law, Islamic law, Kokond Khanate, customary law, court of gazin, instance of gazi courts, ethnic Kyrgyz.

В XIX веке кыргызы постепенно углублялись в общественную жизнь под влиянием законов шариата и исламского религиозного права. Особенно это заметно было среди кыргызов, проживающих в южных регионах Кыргызстана под влиянием Кокондского ханства. В начале XIX века почти вся кыргызская земля находилась под контролем Кокондского ханства. Иссык-Куль и Нарынская долина входили в Андижанский вилайет, Таласская и Чуйские долины — в Акму Ташкента, а юг Кыргызстана — в Центральный вилайет ханства [2].

Однако Кокондское ханство не установило жесткого административного контроля на территории Кыргызстана. Территория Коконда была разделена на вилайеты, которые управлялись бегами и датхами. М. Мухидинов отмечает, что политическая власть ханства

распространялась на кочевые и оседлые этносы, такие как узбеки, кыргызы, кыпчаки и другие [7].

Власть бекства передавалась из поколения в поколение, при этом на должность бека назначался один из его детей для укрепления влияния ханства среди кочевников. Кокондцы также укрепляли свою власть, присваивая различные высшие государственные должности, такие как датхи, кази и другие. Ф. Назаров, дипломатический представитель правительства России, свидетельствовал о том, что в 1811 г административные документы канцелярии ханства были написаны на фарси-таджикском языке [8].

В селах старейшины занимались административной работой, регулировали до судебное расследование мелких споров, контролировали сбор налогов, предоставляли информацию беги. Система местного управления высшая должность глава вилаета бека и датхи, его подчиняли кур баши, серкер, мирап баши, кази-судью и. т.д. [9]

Это иерархии местных чиновников назначается самостоятельно беги, у кочевников датхами. Датхи назначались ханом, носителями военно-административной власти и руководили несколькими кочевыми племенами. Термин датхи означает «желанию справедливости» во имя хана [2, 5].

В южной части Кыргызстана в XIX веке существовала система казийских судов. Кази — это судья, исполняющий высшие судебные функции и одновременно контролирующий религиозные обязанности. Судебный корпус Кокондского ханства официально возглавлял кази-келон. Местные казийские суды создавались на территории каждого бекства, а казий назначался бегом. Полномочия казиев были обширны. Кази был официальным представителем власти, защищавшим интересы религии, курировал деятельность мечетей, следил за рыночными продажами, решал вопросы шариата, контролировал точность весов, качество товаров и регулировал повседневную жизнь людей [10].

Они рассматривали судебные дела всех категорий, наблюдали за исполнением судебных решений, осуществляли надзор за местами заключения, удостоверяли завещания, распределяли наследство и проверяли законность землепользования. Количество судов казиев в каждом бекстве определялось датхами и беками [2].

По мнению офицера В. Наливкина, суд казиев подразделялся на четыре ветви власти:

Казы-келон — верховный судья государства, имел право лично рассматривать каждое дело в бекствах, контролировал и управлял судебной системой ханства.

Казы-күзөт — личный помощник кази-келона.

Казы-аскар — ведал военными судебными делами.

Казы-раис — занимался регулированием общественно-базарных отношений, контролировал соблюдение правил торговли, весов, цен, гарантий, аренды, а также распределение воды в сельскохозяйственный сезон.

Помимо этих обязанностей, казы-раис следил за соблюдением исламских религиозных норм и традиций. Казий не имел строго определённого судебного участка. Любой истец или жалобщик мог обратиться к тому казию, к которому желал [9].

Саттар Абдулгাপарова, многие годы проработавшая судьёй в городе Чымкенте в период Кокондского ханства, написала свой дневник «Очерк положения в Кокондском ханстве». В нём она разделила все преступления на три группы [1].

Первая группа включала преступления, направленные против основ религии и государства, за которые следовало строго определённое наказание — хад. К ним относились, прежде всего, вероотступничество и богохульство, каравшиеся смертной казнью. Также смертная казнь применялась ко всем выступлениям против государственной власти. В эту же

категорию входили преступления, объявленные тяжкими грехами: кражи, употребление спиртных напитков, прелюбодеяние, а также ложное обвинение в прелюбодеянии [1].

Вторая группа объединяла преступления против отдельных лиц. Наиболее детально были разработаны нормы, касающиеся умышленного убийства, за которое предусматривались альтернативные наказания. Родственникам убитого предлагалось выбрать один из трёх вариантов: А) смертную казнь убийцы; Б) прощение убийцы; В) получение денежной компенсации «дия» (выкуп за кровь). Г) размер выкупа обычно приравнивался к стоимости 100 верблюдов.

В третью группу входили правонарушения, за которые предусматривалось судебное наказание. К ним относились неуплата закята, несоблюдение поста, нанесение лёгких телесных повреждений, оскорбления, хулиганство, взяточничество, азартные игры и т.д. [1, 10].

В целом казийский суд XIX века плохо знал шариатские законы. Дела о незначительных нарушениях рассматривались в домах и на рынках, тогда как серьёзные преступления обсуждались в специально отведённых местах по согласованию с беком и датхой. Судебный процесс, как правило, проходил в открытом порядке. В случае тяжких преступлений казий обязательно вызывал бека, который участвовал в судебном разбирательстве. Время и дату судопроизводства казий назначал самостоятельно.

Среди оседлого населения Ферганской долины с течением времени увеличивалось число обращений в казийский суд. Туркестанский военный офицер Г. Южаков отмечал, что в 1886 году количество местных жителей, обратившихся в суд по шариату по земельным вопросам, значительно возросло. Однако среди бывших кочевников оставалось много людей, плохо знакомых с нормами ислама [10].

В XIX веке, в эпоху Кокондского ханства, серьёзными считались две категории преступлений: противодействие исламу и посягательство на собственность феодалов. Казий лично председательствовал на судебном заседании. Первое слово предоставлялось потерпевшему, затем свидетелям, и, наконец, обвиняемому. Дело должно было быть решено в рамках одного заседания и не могло откладываться на следующий день.

Судебный процесс превращался в своеобразное состязание сторон, где богатые и бедные находились в неравном положении. Судья обладал широкой свободой усмотрения, что позволяло ему руководствоваться личными симпатиями и предпочтениями [4, 10].

Судопроизводство в казийских судах в основном велось в письменной форме. Процесс подразделялся на три условные стадии. На первой определялся предмет спора, на второй проводилось представление доказательств, на третьей выносился приговор. При обнаружении новых фактов допускался пересмотр решения. Судья имел право пересматривать собственное решение.

При оценке доказательств в суде господствовал формализм [7, 9]. Так, достаточным доказательством по делу считались показания двух достойных доверия свидетелей-мусульман. Показания женщин рассматривались как «половинные» доказательства. Если свидетелей преступления не находилось, обращали внимание на вещественные доказательства. При отсутствии достоверных или убедительных доказательств применялась клятва, которую обычно должен был произносить ответчик или обвиняемый [1].

Подозреваемые приносили присягу, держа в руках священный Коран и читая аяты. Клятва со ссылкой на Аллаха принималась в судебном процессе как веское доказательство, освобождая обвиняемого от ответственности или смягчая наказание. Если подозреваемый отказывался принести присягу, он автоматически признавался виновным.

Признание обвиняемого рассматривалось как достаточное доказательство для вынесения судебного решения. В случае признания лица виновным судья мог назначить наказание в виде лишения свободы сроком до двух лет. Осуждённого отправляли в темницу, которая представляла собой грязное и антисанитарное место, расположенное в столицах вилайетов. Ворам отрезали пальцы в зависимости от размера украденного имущества [9].

Наказание за причинение телесных повреждений включало нанесение не менее 60–80 ударов, отрезание пальцев (тип наказания рассчитывался в зависимости от тяжести преступления). Половина налога дия выплачивалась за увечье одной руки или одного глаза. Ослепление обоих глаз оценивалось в полную сумму налога дия. За сломанный зуб взыскивалась одна двадцатая часть дия, за сломанную ногу — половина, за сломанный палец — одна десятая часть [8].

В случае смерти женщины выплачивалась половина суммы дия. Если погибал раб, его хозяину полагалась выплата в размере налога дия. Если преступник не мог самостоятельно уплатить налог дия, обязанность выплаты возлагалась на его родственников. Согласно ханафитской школе, если мусульманина убивал человек другой религии, сумма налога дия удваивалась [7].

В некоторых случаях беки и датхи были вынуждены принимать самостоятельные решения. В судебном разбирательстве выигравшая сторона выплачивала вознаграждение судье и его сопровождающим, а также предоставляла денежное вознаграждение в виде тиллей для священнослужителей.

Казийские суды действовали на основе законов шариата [6]. В южных регионах Кыргызстана XIX век называли эпохой перехода от обычного права к шариату. Казийские суды осуществляли свою деятельность в соответствии с законами шариата и выступали в качестве представителей судебной власти в исламском праве. В судебной системе особое место занимали источники шариатского права.

Список литературы:

1. Абди-Саттар хан казий Заметки о народном самоуправлении и ишанах в Туркестане // Туркестанские ведомости. 1898. №54.
2. Бардашев И. Сведения о дикокаменных киргизах // Туркестанские ведомости. 1870.
3. Бөрүбашев Б. История государства и права Кыргызской Республики. Бишкек, 2015.
4. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений. Т. 4. Алма-Ата, 1985.
5. Карасаев К. Каамус наама. Бишкек, 2016.
6. Капитана Давлетшина по командировке в Туркестанский край и Степной области: Для ознкомления деятельности народных судов. СПб., 1910.
7. Мухидинов Р. Историко-правовые аспекты судебной системы Кокондского ханства. Ташкент, 2019.
8. Назаров Ф. М. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М.: Наука, 1968. 76 с.
9. Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент: А.Л. Кирснер, 1913. 144 с.
10. Прудников М. Н. История государства и права зарубежных стран. М.: Юрайт, 2013. 811 с.

References:

1. Abdi-Sattar khan, kazii (1898). Zаметki o narodnom samoupravlenii i ishanakh v Turkestane. *Turkestanskii vedomosti*, (54).
2. Bardashev, I. (1870). Svedeniya o dikokamennykh kirgizakh. *Turkestanskie vedomosti*.

3. Berybashev, B. (2015). Istoriya gosudarstva i prava Kyrgyzskoi Respubliki. Bishkek.
4. Valikhanov, Ch. Ch. (1985). Sobranie sochinenii. 4. Alma-Ata. (in Russian).
5. Karasaev, K. (2016). Kaamus naama. Bishkek.
6. Kapitana Davletshina po komandirovke v Turkestanskii krai i Stepnoi oblasti: Dlya oznokomleniya deyatel'nosti narodnykh sudov (1910). St. Petersburg. (in Russian).
7. Mukhidinov, R. (2019). Istoriko-pravovye aspekty sudebnoi sistemy Kokondskogo khanstva. Tashkent. (in Russian).
8. Nazarov, F. M. (1968). Zapiski o nekotorykh narodakh i zemlyakh srednei chasti Azii. Moscow. (in Russian).
9. Nalivkin, V. P. (1913). Tuzemtsy ran'she i teper'. Tashkent. (in Russian).
10. Prudnikov, M. N. (2013). Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran. Moscow. (in Russian).

*Работа поступила
в редакцию 14.03.2025 г.*

*Принята к публикации
21.03.2025 г.*

Ссылка для цитирования:

Абылов А. Д. Роль шариата в регулировании общественной жизни кыргызов южного региона Кыргызстана, права судебной системы казийских судов (XIX в) // Бюллетень науки и практики. 2025. Т. 11. №5. С. 551-555. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/114/81>

Cite as (APA):

Abylov, A. (2025). In the 19th Century, the Role of Sharia in Regulating the Social Life of the Kyrgyz in the Southern Region of Kyrgyzstan, the Rights of the Judicial System of the Qazi Courts. *Bulletin of Science and Practice*, 11(5), 551-555. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/114/81>